

DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.024

УДК 32

К.Е. КОЖУХОВА

кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии Московского государственного
лингвистического университета,
Россия, г. Москва
E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КАК ОСНОВЫ ВЕКТОРА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ГОСУДАРСТВА

В современных международных отношениях имеют место серьезные трансформации и динамичное развитие. Это происходит ввиду того, что современная система глобальной политики закономерно отвечает на изменяющиеся требования эволюции международно-политической конъюнктуры: дестабилизацию и расширение понятия суверенитет, увеличение роли негосударственных акторов в международных отношениях, появление активного политико-психологического компонента в детерминации стратегий государственных игроков международных отношений и др. Каждый перечисленный аспект является серьезной исследовательской проблемой, предполагающей возможное аксиологическое решение ввиду активизации влияния национально-ценностного компонента в мировой политике. В ответ на запрос изучения последней упомянутой аналитико-синтетической задачи теории международных отношений предлагают использование понятия «стратегическая культура», выражающее совокупность национальных традиций, обычаев, особенностей менталитета, исторической и политической практики в решении вопросов применения военной силы при возникновении угроз безопасности национального масштаба. Данное исследование посвящено современному процессу формирования научного концепта «стратегическая культура», а также типологизации национальных стратегических культур современного мира.

Ключевые слова: стратегическая культура, международные отношения, внешняя политика, национальное самосознание, психология международных отношений.

Введение. За последние 20 лет применение понятий культуры, ценностей и норм к изучению различных аспектов международных отношений значительно продвинулось вперед и стало флагманом изучения современной мировой политики. Важность культурного подхода к восприятию политического мира стала одной из основных проблем реалистского подхода к международным отношениям и особенно актуализировалась в области исследований вопросов безопасности и применения военной силы. После публикации в 1996 году

книги под редакцией П. Каценштейна «The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics» [17], посвященной применению культурных оснований в изучении проблем безопасности, все больше ученых-политологов по всему миру используют национальную культуру и традиции для объяснения или уточнения применения государством насилия, силовых методов и обеспечения национальной безопасности в современных международных отношениях.

В настоящее время в политической науке, как отечественной, так и зарубежной, рассматривается ключевой элемент культурного подхода к изучению безопасности, а именно роль стратегической культуры и ее потенциальная способность объяснять, как государства подходят к применению силы, а также когда и как они будут применять силу для решения проблем внутри системы.

Концептуализация понятия «стратегическая культура». Первоначально концепт стратегической культуры был разработан Дж. Снайдером в докладе корпорации Rand 1977 года «Советская стратегическая культура: последствия для ограничения ядерных возможностей», где автор утверждал, что в Советском Союзе «люди социализированы в соответствии с отчетливо советским способом стратегического мышления» [16]. Фундаментальная идея Снайдера, которая состоит о том, что каждое государство ввиду своей истории, менталитета, обычаев и традиций ведения внешней политики может создавать уникальные стабильные стратегические культуры, через призму которых политическая элита и нация в целом смотрят на мир, породила значительный пласт литературы в области исследований безопасности.

Дискуссия о развитии понимания стратегической культуры в значительной степени была сформирована американскими учеными К. Греем [5; 6. Р. 1-20; 7. Р. 49-69] и А.И. Джонстоном [8; 9. Р. 32-64] и их подходами к этой концепции. Джонстон утверждал, что существует три поколения стратегической культуры, каждое из которых по-разному подходит к этой концепции [9]. А.И. Джонстон утверждает, что необходимо позиционировать стратегическую культуру как независимую или промежуточную переменную, которая влияет на результат, на решение о применении силы вместо того, чтобы позволять культуре влиять как на решение, так и на результат, как это делает Грей. К. Грей утверждает, что Джонстон создает ограничения в политико-психологических исследованиях международных отношений, выделяя культуру только как независимую или промежуточную переменную часть уравнения, так как культура есть более широкое понятие, влияющее как на исходные обстоятельства государственностроительства, так и на результаты любого решения, принимаемого элитами [7]. Эти различные взгляды на стратегическую культуру иллюстрируют многочисленные трудности, с которыми сталкиваются аналитики, подходя к этой концепции.

В своей основе стратегическая культура отражает взгляды субъекта на применение военной силы; она изучает ценности и идеи общества и предоставляет средства влияния на решения о том, когда и как применять силу в рамках системы, а также о том, как применять силу. Стратегическая культура иногда может ограничивать выбор того, когда и как применять силу, которая доступна

лицам, принимающим решения. Еще одно влияние, которое является частью стратегической культуры – это история. Синтезируя мнения американских ученых, становится понятно, что историческое развитие государства является важным компонентом стратегической культуры субъекта [14. Р. 523-549].

Так, другой американский политолог Дж. Лантис [10. Р. 87-113; 11. Р. 21-46] уточняет историческую связь, утверждая, что политическая элита постоянно подвергается влиянию существующих исторических представлений и, следовательно, будет принимать их во внимание при принятии решений. Аналогично американский ученый К. Лорд еще в своей работе в 1985 году также рассматривает военную культуру страны, ее гражданско-военные отношения и вооружение. Дополнительным элементом, который, по мнению многих авторов, имеет значение для стратегической культуры, является геополитическое положение государства в мире. Геополитическое положение государства оказывает определенное историческое влияние, а также определяет основные угрозы, с которыми приходится сталкиваться субъекту при разработке политики в отношении использования вооруженных сил в рамках международной системы [13. Р. 269-293].

Необходимо остановиться и на проблематике исследования стратегических культур с точки зрения методологии. Акцент вышеупомянутого А.И. Джонстона [9. Р. 32-64] на изучении доктринальных документов сугубо военной стратегии при исследовании национальных стратегических культур приводит к искусственному заужению выборки для анализа, так как невоенные элиты будут иметь значительное влияние на решения, касающиеся применения силы в рамках международной системы. Следовательно, помимо военной литературы должны существовать документы и другие формирующие элементы, которые формируют стратегическую культуру в обществе в целом. Так, к примеру, идея западного исследователя международных отношений К. Лонгхерста о том, что исследователь должен найти период становления, чтобы найти основу стратегической культуры, является хорошим началом для изучения стратегической культуры [12], что активно используется в современных исследованиях национальных стратегических культур. Формирующие тексты и элементы не исчезают просто так, как только появляется действующий субъект. Стратегическая культура продолжает меняться с течением времени, адаптируясь к условиям текущей международной среды; следовательно, формирующие элементы стратегической культуры должны продолжать появляться в доктринальных и геополитических документах и с течением времени. Как отмечают ученые, эти элементы возникают либо в результате значительных воздействий [10; 11], либо в результате эволюционных изменений в стратегической культуре [14. Р. 523-549].

Стратегическая культура в ее первоначальном понимании была сосредоточена на истории, идеологии, большой политике, интересах нации и географии. Согласно Дж. Снайдеру, «стратегическую культуру можно определить как совокупность идей, обусловленных эмоциональных реакций и моделей привычного

поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели путем обучения или имитации и которыми они делятся друг с другом в отношении ядерной стратегии» [16].

К. Грей дает следующее определение: «стратегическая культура – это сокращенное выражение, обозначающее эмоциональную среду и отношение к ней, в которой работает оборонное сообщество» [5. Р. 138].

П. Корниш и Дж. Эдвардс утверждают, что стратегическая культура – это «институциональная уверенность и процессы управления вооруженными силами и их развертывания как часть общепринятого набора законных и эффективных политических инструментов» [4. Р. 589].

К. Мейер определяет стратегическую культуру как «включающую в себя социально передаваемые нормы, идеи и модели поведения, основанные на идентичности, которые разделяются широким большинством участников и социальных групп в рамках данного сообщества безопасности, что помогает формировать ранжированный набор вариантов для достижения сообществом целей в области безопасности и обороны» [14. Р. 528].

А.И. Джонстон определяет его как «интегрированную систему символов..., которая действует для установления всеобъемлющих и долгосрочных стратегических предпочтений, формулируя концепции роли и эффективности военной силы в межгосударственных политических делах» [9. Р. 36]. Его определение основано на работах Гирца и других классических исследованиях влияние национальной культуры на процесс принятия внешнеполитических решений.

К. Лонгхерст утверждает, что «стратегическая культура – это особая совокупность убеждений, подходов и практик в отношении применения силы, которых придерживается коллектив и которые постепенно формируются с течением времени в ходе уникального длительного исторического процесса. Стратегическая культура устойчива с течением времени и, как правило, переживает эпоху своего зарождения, хотя и не является постоянной или статичной чертой. Она формируется и подвержена влиянию периодов становления и может меняться, как фундаментально, так и по частям, в критические моменты в жизни этого общества» [12. Р. 26].

Таким образом, становится очевидно, что взаимодействие стратегических культур через осуществление внешнеполитических стратегий и глобальных проектов составляет параллельно существующую систему понимания международных отношений, не подверженную формализованным нормам и правилам и выражающую дух и чувство народа, его ощущение себя в мире. Данное обстоятельство создает основы национального самовосприятия государств своей внешней политики, отличное от внешнеполитического имиджа, образа и бренда государства и формирующее их в соответствии с ядром (традициями определения места страны на мировой арене и внешнеполитической «привычкой») национальной культуры в целом. Сюда входят такие политические феномены как политика памяти, понимание Родины, образ врага, войны, в том числе

и политической, и многие другие политико-психологические аспекты, которые заслуживают отдельного внимания.

Типология стратегических культур современного международно-политического мира. Основываясь на вышеобоснованном разъяснении сущности и содержания национальной стратегической культуры, необходимо перейти к раскрытию типологии стратегических культур.

Так, книга А.И. Джонстона «Культурный реализм» раскрывает дуалистическую китайскую стратегическую культуру, в которой оборонительные концепции конфуцианства и мэн-цзы представляют собой лишь второстепенное, символическое риторическое повествование, скрывающее доминирующую наступательную стратегическую культуру реальной политики, склонную к военной силе. Джонстон использовал двойную методологию исследования. Сначала он провел анализ первоисточников из семи классических военных трудов Китая, чтобы определить соответствие стратегических предпочтений при разрешении конфликтов между стратегиями приспособления, статичной обороны (пассивной), карательной обороны (активной: превентивный разгром вооруженных сил агрессора) и наступательной/экспансионистской (разрушение военных и политических институтов противника с аннексией территории). Затем он провел эмпирическое исследование первоисточников о решениях по обеспечению безопасности династии Мин (1368-1644), чтобы проверить выводы, сделанные на основе его анализа семи классических военных трудов. Джонстон обосновывает эту методологию следующим образом: «Имеет смысл рассмотреть период истории, в котором лица, принимающие решения, являются сознательными наследниками философских и текстовых традиций и эмпирического наследия, из которого может возникнуть стратегическая культура» [8. Р. 238]. Далее Джонстон объясняет, что этот исторический период представляет собой период времени, когда элиты были изолированы от западной стратегической культуры, чтобы предотвратить распространение этого влияния на формирующуюся китайскую стратегическую культуру. Джонстон делает свои выводы из этого двойного анализа, чтобы также понять, сохраняется ли эта стратегическая культура в современную эпоху Китайской Народной Республики.

Выводы Джонстона, сделанные на основе анализа семи классических военных трудов и эмпирического анализа решений по конфликтам династии Мин против монголов, показали соответствие между стратегиями приспособления в пользу агрессивных наступательных или активно-оборонительных (карательных) стратегий. Используя свое определение стратегической культуры, Джонстон пришел к выводу, что Китай, во-первых, рассматривает конфликты как частые и неизбежные, во-вторых, действия между государствами имеют нулевой результат, но существуют различия во взглядах на эффективность международных действий. сила, опосредованная китайской концепции максимальной гибкости, основанной на характере экологических возможностей и непредвиденных обстоятельств. В частности, гибкость выявила чувствительность к относительным военным возможностям противника. Эта изменчивость

в парадигме Джонстона объясняла различия между активно-оборонительными и экспансионистскими наступательными стратегиями. Только в случаях крайней слабости статическая оборона и приспособление к обстоятельствам рассматривались как приемлемые решения конфликта. Джонстон назвал эту доминирующую стратегическую культуру *parabellum* (что в переводе с латыни означает готовиться к войне), которую далее другие исследователи «смягчили» различиями в силах в окружающей среде.

Присутствие конкурирующей, но подчиненной друг другу конфуцианско-мэнской стратегической культуры проявилось как в 7 классических военных трудах, так и в китайских мемуаристах эпохи Мин (современных историках эпохи Мин), которые придерживались добродетельного языка, доброжелательности, обольщения и/или праведной войны как простых преамбул перед описаниями эффективных наступательных сил для разрешения межгосударственных конфликтов. Следовательно, конфуцианско-мэн-цзыская риторика отражала, как комментирует Джонстон, прикрытие языком праведной войны, чтобы оправдать то, что в противном случае могло бы быть расценено как аморальное применение силы, для обеспечения того, чтобы внутренний дискурс отражал постоянную легитимность.

Распространяя свою теорию на современную эпоху КНР, Джонстон провел анализ вторичных источников, чтобы сделать вывод о сохранении стратегической культуры *parabellum* или *realpolitik*. Анализируя проведенный Уилкенфельдом, Брехером и Мозером анализ внешнеполитических кризисов КНР в 1985 году, можно сделать вывод, что КНР прибегала к насилию в 72% случаев, в то время как сопоставимые показатели для США, Великобритании и СССР за период 1927-1985 годов составляют 18%, 27% и 12% соответственно. Если присмотреться внимательнее, то на территориальные споры или вопросы, связанные с территориальной безопасностью, приходилось 80% случаев, когда имело место насилие, отчасти из-за исторической чувствительности к угрозам территориальной целостности государства [8]. За тот же период времени КНР в 67% случаев прибегала к насилию во время внешнеполитических кризисов, связанных с политическими/дипломатическими проблемами, что заставило Джонстона заявить, что китайские лидеры более склонны рассматривать широкий спектр споров с нулевой суммой. Далее, исследователь комментирует, что в условиях кризиса Китай, как правило, действовал более конфликтно, поскольку он становился относительно сильнее. В то время как Джонстон убедительно доказывает, что решения в области безопасности принимаются с позиции реальной политики, фундаментальная проблема в выводах его исследования заключается в непонимании истинной причины поведения Китая в области безопасности.

Отечественные политологи, сотрудники ИМЭМО РАН И.Д. Лошкарев и Д.А. Пареньков, следуя за опытом А.И. Джонстона, выделяют следующие типы неэкспансионистских стратегических культур: культура неограниченной интернационализации; культура ограниченной интернационализации; культура

нормативной унификации; культура нейтралитета; культура изоляционизма, а также культура политической фортификации [1. С. 70].

А.И. Джонстон ввиду фокуса на китайскую стратегическую культуру ограниченного подошел к описанию экспансионистского его подвида, однако это не мешает обратиться к другим источникам, определяющим политику экспансионизма как черту агрессивной стратегической культуры.

Например, подход Дж. Беке основан на сравнительно-исторической типологии, которая различает четыре идеальных типа расширения государства (патронирование, сателлитизация, эксклавизация и инкорпорация) и четыре соответствующих идеальных типа сокращения государства (депатронизация, десателлитизация, дезэксклавизация и дезинкорпорация). Концепция понимает изменчивость и обратимость расширения государств как отражение меняющейся структуры возможностей, состоящей из властных ресурсов (используемых расширяющимся государством) и уровня государственности (в пределах захваченной территории) [3. Р. 64-75].

Новаторские исследования по гегемонии показывают великие державы, которые расширили свое политическое влияние, создав сферы влияния, протектораты и империи, не прибегая к завоеваниям. Однако до сих пор акцент делался на экономических, институциональных и нормативных факторах, которые помогают государствам устанавливать отношения превосходства и подчиненности над другими и формировать различные формы влияния, которые в результате этого возникают [15. Р. 1304-1318].

Новый дипломатический словарь определяет экспансионизм как «Агрессивные действия государства с целью приобретения новых территорий, колоний, рынков сбыта, распространения своего экономического и культурного влияния в ущерб интересам других стран вплоть до ликвидации суверенитета и установления оккупационного режима. Классические примеры экспансионизма: колониальная политика Великобритании, Франции, Германии, России, Японии и других имперских держав в различные периоды XVII – начала XX вв., агрессия нацистской Германии и фашистской Италии в 1930-е гг. В настоящее время экспансия все чаще осуществляется методами «мягкой силы», включающими комплекс мероприятий в политико-экономической и гуманитарной сфере с широким применением современных цифровых технологий» [2].

Таким образом, можно составить новое определение экспансионистской стратегической культуры, а именно культурно-ценностной системы внешнеполитических воззрений на достижение национальной безопасности с помощью активного, зачастую насильственного, расширения влияния государства, вплоть до подчинения территории своему влиянию.

Важно отметить, что вышепроанализированные типологии являются упрощенными и не всегда отражают всю сложность и разнообразие стратегических культур в современном мире. Стратегические культуры представляют собой динамичные и сложные системы, которые постоянно меняются под воздействием различных факторов.

После изучения представленных выше типологий, автор настаивает о необходимости создания актуализированной типологии национальных стратегических культур, актуальной современной международно-политической обстановке и развитию международных отношений, так как исходя из обширной исследованной научной базы можно увидеть, что типология данного политического феномена не подвергалась переосмыслению и доработке более 20 лет. Тем не менее, в мире существенно изменились мегатренды мирового развития, что должно быть отражено и в актуальной типологии стратегических культур.

Исходя из этого автор предлагает альтернативную типологию национальных стратегических культур, выделяя два подтипа – конструктивную и деструктивную. Далее мы рассмотрим основные характеристики конструктивной и деструктивной стратегических культур и их влияние на внешнеполитические подходы государств.

Конструктивная стратегическая культура основана на системе убеждений, ценностей и принципов, которые способствуют международному миру и сотрудничеству. Этот тип культуры имеет несколько ключевых особенностей:

1. Пацифизм: страны с конструктивной стратегической культурой стремятся поддерживать мир с помощью дипломатии и реже прибегают к военной силе. Вместо этого они отдают приоритет сотрудничеству с другими странами и стремятся к построению доверия и взаимопонимания.

2. Приверженность международным нормам: эти культуры уважают международные соглашения и конвенции и поддерживают усилия международных организаций.

3. Диалог и сотрудничество: эти культуры поощряют открытый диалог и готовность находить взаимоприемлемые решения конфликтов.

4. Долгосрочная перспектива: страны, которые рассматривают международные отношения в долгосрочной перспективе, учитывают не только краткосрочные выгоды, но и потенциальные долгосрочные последствия своих действий для глобальной безопасности.

Напротив, деструктивные стратегические культуры — это системы убеждений, ценностей и норм, которые могут способствовать эскалации международных конфликтов и напряженности. Такие культуры имеют ряд характерных черт:

1. Агрессивность. Страны с деструктивным стратегическим мышлением склонны рассматривать военную силу как основное средство обеспечения национальной безопасности и могут с большей вероятностью прибегнуть к силе при разрешении споров, а не искать мирные решения. Они также могут с меньшей вероятностью придерживаться международных норм и правил.

2. Недоверие к международным институтам: эти страны могут скептически относиться к деятельности международных организаций и не всегда готовы сотрудничать с ними.

3. Фокус на краткосрочных выгодах: деструктивные стратегические подходы фокусируются на краткосрочных выгодах, а не на потенциальных долгосрочных последствиях для международной стабильности.

Заключение. Таким образом, стратегические культуры представляют собой динамичные и сложные системы, которые постоянно изменяются под воздействием различных факторов. Типология стратегических культур, а именно их разделение на конструктивные и деструктивные, позволяет лучше понять различия в восприятии угроз и выборе стратегий безопасности в разных странах. Это может быть полезно для анализа международных отношений и прогнозирования поведения государств на мировой арене. Однако важно помнить, что типологии носят упрощенческий характер и не всегда отражают сложность национальных стратегических культур в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Лошкарев И.Д.** Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия / И.Д. Лошкарев, Д.А. Пареньков // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2.
2. Экспансионизм // Дипломатический словарь. 2021 // <http://diplomaticdictionary.com/dictionary%BC/>.
3. **Becke J.** Varieties of expansionism: A comparative-historical approach to the study of state expansion and state contraction // Political Geography. 2019. Vol. 72.
4. **Cornish P., Edwards G.** Beyond the EU/NATO Dichotomy: The Beginnings of a European Strategic Culture // International Affairs. 2001. No. 77.
5. **Gray C.** Modern Strategy. Oxford: Oxford University Press, 1999.
6. **Gray C.** Out of the Wilderness: Prime Time for Strategic Culture // Comparative Strategy. 2007. No 26 (1).
7. **Gray C.** Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // Review of International Studies. 1999. No 25 (1).
8. **Johnston A.** Cultural Realism, Strategic Culture, and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1995.
9. **Johnston A.** Thinking about Strategic Culture // International Security. 1995. No 19 (4).
10. **Lantis J.** Strategic Culture and National Security Policy Studies // International Studies Review. 2002. No 4 (3).
11. **Lantis J.** The Moral Imperative of Force: The Evolution of German Strategic Culture in Kosovo // Comparative Strategy. 2002. No 21 (1).
12. **Longhurst K.** Germany and the Use of Force. Manchester: Manchester University Press, 2004.
13. **Lord C.** American Strategic Culture // Comparative Strategy. 1985. No 5 (3).

14. Meyer C. Convergence towards a European Strategic Culture? A Constructivist Framework for Explaining Changing Norms // European Journal of International Relations. 2005. No 11 (4).
15. Schuessler J.M., Shiffrin J., Blagden D. Revisiting Insularity and Expansion: A Theory Note // Perspectives on Politics. 2023. No 21 (4).
16. Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation, 1978 // <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>.
17. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. Edited by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996.

K.E. KOZHUKHOVA

PhD in Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science, Moscow State
Linguistic University, Moscow, Russia

THE ESSENCE AND TYPOLOGY OF NATIONAL STRATEGIC CULTURES AS THE BASIS OF THE VECTOR OF THE STATE'S FOREIGN POLICY COURSE

Serious transformations and dynamic development are taking place in modern international relations. This is due to the fact that the modern system of global politics naturally responds to the changing requirements of the evolution of the international political conjuncture: destabilization and expansion of the concept of sovereignty, an increase in the role of non-state actors in international relations, the emergence of an active political and psychological component in determining the strategies of state players in international relations, etc. Each of these aspects is a serious research problem, suggesting a possible axiological solution due to the intensification of the influence of the national value component in world politics. In response to a request to study the last mentioned analytical and synthetic task, modern theorists of international relations propose the use of the concept of «strategic culture», expressing a set of national traditions, customs, peculiarities of mentality, historical and political practice in solving issues of the use of military force in the event of threats to national security. This study is devoted to the modern process of forming the scientific concept of «strategic culture», as well as the typologization of national strategic cultures of the modern world.

Key words: strategic culture, international relations, foreign policy, national identity, psychology of international relations.